

С. ПЕДЕНКО

НА ЗЕМЛЕ СВЕТЛО

– так называется сборник стихов Николая Колмогорова, выпущенный Кемеровским книжным издательством.

Это первая книга молодого поэта, и тем радостнее найти в ней зрелые, глубокие раздумья «о родине, о друге, о маме, о зиме»...

Пока ещё рано утверждать, что стихам Н. Колмогорова суждены долгие годы. Однако надеяться на это позволяет спокойная уверенность автора в том, что «надо жить, но жить – неторопливо». По-сибирски основательно, внимательно всматривается он в окружающий его мир, свою малую родину, «районный тихий город», скорее даже полудеревню. У Колмогорова можно встретить строчку о заводской трубе, которую «за облаком чистят от сажи», но всё-таки тема природы и её очищающего влияния на душу человека наиболее близка автору. Здесь у него можно усмотреть даже некоторый пантеизм, хотя у Колмогорова нет тютчевской «грозной тайны» или рубцовской трепетной непостижимости природы. Она у него отзывчивей и человечней, с нею при желании даже можно просто поговорить:

**Я люблю природу!
Я люблю кричать в глубину леса,
прохладную, словно туннель.
Крикнешь: «Ау...» –
лес возвратит: «А-а!..»
Вот так и поделимся человеческим словом.**

Лесной мир поймёт и успокоит, снимет с души груз сиюминутных забот и мелких печалей, «и тёплой ящеркой под камень шмыгнёт изменчивая грусть».

И всё-таки, даже когда поэт говорит о природе, на первом месте у него человек и мир его переживаний. Так, «в боязливых вешних рощах» скворец подражает детской свистульке, а не наоборот. В этой связи природы и души человека чувствуется что-то опять же от рубцовского видения мира – недаром Ст. Куняев в предисловии к книге «На земле светло» назвал Н. Рубцова одним из учителей Колмогорова. Это же влияние заметно и в глубоких раздумьях автора о тех, кто ушёл навсегда, о скоротечности жизни, неповторимости и невозвратности каждого её мига, а значит, и его ценности и ответственности человека за то, каким содержанием будут наполнены прожитые им годы:

**И сколько б ни жил,
будешь думать и думать о смысле
трагичного мира,
в котором так счастливы мы.**

В этой первой книжке молодого поэта явно чувствуется его тяготение к белому стиху и верлибру, где поэтическая мысль предстаёт как бы в чистом виде, без поддерживающих её конструктивных элементов: рифмы или – в верлибре – чётких ритмических рамок. Такой стих требует от автора особого мастерства и глубины мысли. Многие белые стихи Колмогорова отвечают этим требованиям. Правда, это увлечение иногда оборачивается у него неточностью, приблизительностью рифмовки в стихах общепринятой классической формы. Порою даже трудно с первого прочтения понять, белый стих это или рифмованный. Например, в стихотворении «Стоят берёзы». Два предшествующих ему верлибра и весьма приблизительная рифма в первом четверостишии невольно настраивают на восприятие его как белого:

Стоят берёзы.

**Воздух чист.
Далёкий лыжник вглубь скользит.
И неоглядный снег лежит.
И тонким холодом сквозит.**

Но нет: переключкой конечных слов «посвист – охлест» и «просвет – прозелень» в следующих строках автор пытается убедить, а рифмой «дорожу – прихожу – восхожу – гляжу» в заключительном четверостишии окончательно доказать, что эти стихи не белые. Однако пренебрежение формой привело к неудаче.

Обычно критика уделяет мало внимания форме анализируемых произведений, говоря главным образом о содержании. Но, в общем, опасений за содержание своего творчества Н. Колмогоров не вызывает, кроме, может быть, некоторой излишне лирической созерцательности, отмеченной Ст. Куняевым. От души хочется сказать молодому автору: «В добрый путь!»

Кемерово, 1978 г.